

Palsapa Journal. 2025. Vol. 1

Palsapa Journal

*Выпуск №1
Декабрь 2025*

Астана 2025

Научный рецензируемый журнал Palsara Journal посвящен публикациям эссе и научных статей в области философии и смежных наук. Palsara Journal представляет собой возможность для студентов бакалавриата, магистратуры и молодых ученых поделиться своим уникальным взглядом на мир.

Журнал зарегистрирован в перечне периодических печатных изданий, информационных агентств и сетевых изданий в Республике Казахстан под номером № KZ26VPY00123139.

Уважаемые читатели, авторы, коллеги!

Перед вами первый номер научного рецензируемого журнала «Palsara Journal», выпущенного с участием студентов Международного университета Астана. Название журнала не случайный выбор. Слово «Palsara» (по-казахски «Пәлсәпа») отсылает к многовековой традиции размышления о смысле бытия, о месте человека в мире, о добре и зле, о свободе и ответственности. Именно эти вечные вопросы сегодня переплетаются с вызовами цифровой эпохи, глобализации, искусственного интеллекта, экологического кризиса, поиска новой идентичности и всё это становится предметом эссе и научных статей наших студентов.

Palsara Journal задумывался как открытая площадка для студентов, где можно не только опубликовать свою первую серьёзную работу, но и получить опыт рецензирования, научной дискуссии и редакторской подготовки текста. Мы сознательно делаем акцент именно на молодых исследователях: зачастую именно в студенческих работах рождаются самые свежие, смелые и неожиданные идеи.

В дебютном выпуске представлены тексты, которые охватывают очень широкий спектр гуманитарного знания: философские размышления о предопределении, судьбе и смысле личного существования, классическая китайская мысль и её актуальность в современном мире, история Дома Мудрости как символ межкультурного диалога и ценности знания, политическая философия Макиавелли и природа власти, влияние алгоритмов социальных сетей на свободу выбора современного человека, вопрос человеческой уникальности в эпоху стремительного развития искусственного интеллекта.

Каждая из этих работ есть попытка осмыслить настоящее через призму прошлого, философии, этики и культуры. Мы гордимся тем, что все материалы написаны именно студентами, и при этом демонстрируют высокий уровень самостоятельного анализа и искренний интерес к предмету.

Журнал зарегистрирован в перечне периодических печатных изданий, информационных агентств и сетевых изданий Республики Казахстан (№ KZ26VPY00123139). Все статьи проходят внутреннее рецензирование и редакторскую подготовку. Мы стремимся к тому, чтобы публикация здесь стала для молодых авторов первой ступенью в серьёзную научную карьеру.

Отдельная благодарность нашим авторам, студентам, которые начинают свой путь в бескрайнем океане знаний!

Пусть первый выпуск станет началом долгого и плодотворного пути.

С уважением и надеждой на продолжение диалога!!!

Редакционная коллегия
Palsara Journal
Астана, декабрь 2025

Содержание выпуска

- 1. Кеңесбай Н. Ж. «Суждения о Предопределении»5*
- 2. Шевченко О. А. «Философия Лао-цзы»8*
- 3. Жолдыбаева А. К. «Дом Мудрости»16*
- 4. Есен А. А. «Власть и человек в «Государе» Макиавелли»....22*
- 5. Биржан А. Н. «Свобода выбора и алгоритмы TikTok».....26*
- 6. Кан А. А. «ИИ и человеческая уникальность»29*

Кеңесбай Нәйлә Жайдарқызы
Международного университета Астаны
Биология (научная) 24Б

«Суждения о Предопределении»

Средь бела дня и тысяч окон,
Средь тысяч глаз и звонких гулов,
Средь стольких чувств и безмятежных узов
Судьба подносит счастье с горем
И чтобы каждый знал, что сможет
Стать тем, кем должен!

Это стихотворение было написано мною, где поток мыслей, который охватывает меня изо дня в день, становится всё более колоссальным, поскольку само чувство осознания даёт понять, что порой ценностью в нашей жизни, где каждый живет моментами, а их безмерное множество, не имеет ничего, кроме как придавать смысл только к своему личному существованию, об этом доказывает первая строчка стихотворения, где выражение «тысяч окон» подразумевает тысячи мыслей, тысячи людей, но, тем не менее, мы придаём значение лишь своим собственным мыслям, порой считая, что находимся в центре всего.

И вот изо дня в день, где дни летят как годы, каждый из нас старается придать жизни краску своим путем или методом, не осознавая чувство обескураженности или заброшенности в этом мире, а точнее, люди думают, что им постижимо знание всего, тем самым получают ежедневный поток информации и восприятия мира, но иногда не осознают, что мы находимся в растерянном положении, где абсолютно никто не понимает смысла жизни, наличия или отсутствия Бога, всё, что мы знаем, это лишь предположение, даже открытие, созданное учёным, или его изобретение не даёт точного доказательства, и мир, в котором мы живем, построен лишь на предположении, где никто абсолютно не знает своего предназначения или что было и будет с этим миром, заселённым людьми, настанет ли конец света и было ли вообще его начало, и вот в суете и страданиях, где каждый хочет себя подбодрить, найти свой смысл, не замечает, что человек как мышь в мышеловке или хомячком колесе, повторяет изо дня в день одно и то же, а по итогу выгорает.

Меня посещают мысли, что сама тяжесть жизни заключается в собственном её затруднении, поскольку мы придаём большое значение не как бы осчастливить себя, а как воспримет общество моё счастье, и в этой спешке,

где «тысяч глаз» направлены на осуждение и обсуждение тебя, как кажется тебе, не имеет никакого значения, и ведь, живя столь короткую жизнь, большинство борется за лучшее и беззаботное его существование, стремясь к материальным благам, однако которые имеют значение лишь пока человек существует в этом мире, забывая о сущности человека – оставаться человеком, можно отметить, что не все хотят менять мир и его обустроенность, хотя, возможно, в этом и нет особой надобности, поскольку утопия или эгалитарное общество лишь затормозит развитие государства, где абсолютно никто не знает, к чему может привести жизнь, в которой безрассудство и равноправие могут лишит человека человечности.

Я предполагаю, что люди как планета Земля, мы находимся на поверхности планеты, можем совершать абсолютно любые проступки: ходить, плавать, летать в космос, да и вообще существовать, но, тем не менее, поверхность Земли – это оболочка, а наше с вами существование в этом теле также оболочка, где все мы привыкли видеть лишь то, что мы хотим увидеть, и в строчке «среди стольких чувств» подразумевается о том, что мы не замечаем основного – чувств, придавая значение лишь к поверхностному существованию внешней оболочки, забывая о его временности.

И если честно, нет определенного суждения о правильности одного определенного утверждения, ведь обустроенность мышления каждого человека по-своему уникальна, и утверждения, выносящие за пределы общества, могут быть как признаваемы, так и нет, что свидетельствует о множествах суждений и возможных разногласиях, однако которые не говорят о их неправильности или правильности.

Хочу привести пример, красивым людям живется намного легче, красивый – значит можно доверять, значит надо уважать, относиться лучше, когда это как навязанное обществом мнение, где каждой эпохе присущи свои стандарты красоты, и сколько бы мы не оправдывались, опровергая неправоту высказывания, это является горькой, но правдой, где к некрасивому человеку уделяется намного меньше внимания, возможны унижения, оскорбления и все возможные подавления со стороны общества и близких.

Посмотрев на этот поток нескольких поколений, можно осознать, что вроде как все мы одинаковы, но в то же и время разные, мы не можем судить, например, читая книгу «Отцы и дети», о том, что старому поколению абсолютно всегда будет приходиться на смену новое поколение, и это повторяющаяся цепочка никогда не перестанет заменяться, мы же не можем твердить о чём-то конкретном, поскольку это нецелесообразно с точки зрения философии, ведь абсолютно любое утверждение, которое, как по моему мнению является правильным, могут опровергнуть.

Жизнь не может состоять только из хорошего или только из плохого, поскольку морально и физически человек не способен справляться с ними, поэтому там, где есть счастье, будет преобладать и горечь, которая будет держать человеческое психологическое состояние в равновесии, хотя иногда бывают и исключения, когда физически терпимо, а морально всё подъедает,

которое по итогу приводит к суицидальному поведению, и да, это состояние, когда человек не понимает, что после каждой тяжести приходит облегчение, ведь неважно, какой опыт пришлось человеку пройти, этот опыт станет уроком, а если не станет, то опыт будет неосознанно или осознаваемо повторяться изо дня в день, пока человек не опомнится.

Поэтому в строчке «Судьба подносит счастье с горем», подразумевается, что жизнь преподносит лишь то, что считает нужным, ведь для того, чтобы стать кем-то, кем должен, нужно пройти тот опыт, что был дан лично тебе, и неважно, каким образом тебе предстоит его пройти.

Шевченко Олеся Александровна
Международный университет Астана
ЭиП 24Б

«Философия Лао-цзы»

***Аннотация:** Философия Лао-цзы представляет собой одно из глубочайших и наиболее влиятельных направлений духовной мысли Китая. Лао-цзы, один из величайших мыслителей Древнего Китая, создал учение, легшее в основу даосизма – мировоззрения, обращенного к природе, естественности и внутренней свободе человека. В противоположность конфуцианству, которое акцентировало внимание на социальных нормах и рациональном порядке, философия Лао-цзы утверждала ценность недеяния (у-вэй), простоты и следования естественному пути Дао – универсальному закону мироздания.*

Философия Лао-цзы занимает исключительное место в истории китайской мысли. Возникшая в период поздней династии Чжоу, когда в обществе царили политическая нестабильность, моральный упадок и социальные противоречия, она стала своеобразным ответом на кризис традиционных ценностей. Именно в это время мыслители Китая пытались найти принципы, способные восстановить утраченное равновесие между человеком, природой и обществом. В этом контексте учение Лао-цзы стало философией возвращения к истоку, поиском гармонии через понимание естественного пути - Дао.

Центральное место в философской системе Лао-цзы занимает понятие Дао - «Путь». Оно представляет собой универсальный закон существования, основу и источник бытия, который управляет всеми вещами во Вселенной. Дао –это и творящая, и упорядочивающая сила, соединяющая противоположности в единое целое. Лао-цзы утверждал, что Дао невидимо и непостижимо, но именно через него осуществляется становление и разрушение мира. Из Дао рождаются Небо и Земля, все живые существа и человек.

Дао не нуждается в действиях, оно само является первопричиной всего. Именно отсюда следует важнейший принцип философии у-вэй, что буквально означает «недеяние». Однако этот термин не следует понимать как бездеятельность; он выражает идею действия, согласованного с природным ритмом. Человек, поступающий в соответствии с Дао, действует мягко, но результативно, не нарушая естественного порядка.

Согласно Лао-цзы, любое насилие - над природой, обществом или собственной сущностью - разрушает гармонию. Поэтому подлинная сила - не

в господстве, а в умении не вмешиваться в естественный ход событий. Саврухин в своих исследованиях отмечает, что Лао-цзы одним из первых сформулировал принцип самоограничения, рассматривая его как проявление мудрости и внутренней добродетели.

Особое место в философии Лао-цзы занимает категория дэ - добродетель, или проявление Дао в человеке. Если Дао – это закон мироздания, то дэ нравственный эквивалент Дао, проявляющийся в человеческом поведении. Добродетель, по Лао-цзы это не соблюдение внешних правил, а внутреннее состояние, которое возникает из слияния человека с Дао. Учение Лао-цзы также содержит выраженный экологический и этический смысл. Природа у него - не объект эксплуатации, а живое целое, с которым человек должен находиться в единстве. Кроме того, Лао-цзы выстраивает модель человека в мире, в которой личное совершенствование неразрывно связано с гармонией космоса. Человек не должен стремиться изменить мир, но должен познать его законы и действовать в их русле. Такое понимание делает философию Лао-цзы глубоко этической: она учит не подчинять, а понимать; не управлять, а следовать.

Эти идеи оказали огромное влияние на последующее развитие китайской культуры. Даосизм стал основой не только философской традиции, но и духовной жизни народа. Конфуцианцы воспитывали гражданина, а даосы - человека природы; конфуцианство формировало социальную мораль, а даосизм - внутреннюю. Именно в этом различии заключается уникальность учения Лао-цзы, в котором внутреннее совершенство ставится выше внешнего порядка. Таким образом, философия Лао-цзы представляет собой гармоничную систему, соединяющую космологию, этику и практику самосовершенствования. Её основополагающие принципы - Дао, дэ и у-вэй - сформировали китайское представление о мире как о живом и взаимосвязанном целом, где человек является не властелином, а частью природы.

Учение Лао-цзы оказало глубокое воздействие на все аспекты китайской культуры - от эстетики и литературы до политики и хозяйственной практики. Оно стало мировоззренческой основой для формирования китайского отношения к миру, определив стиль мышления, поведение и систему ценностей. Одним из ключевых направлений влияния философии Лао-цзы стало искусство. Даосская идея естественности, простоты и внутренней гармонии воплотилась в китайской живописи, поэзии и музыке. Художник в даосской традиции – не творец в западном смысле, а посредник между Дао и миром. Он не стремится подчинить природу, а позволяет ей проявиться через его кисть. В живописи тушью важен не предмет изображения, а «дыхание жизни» - ци, пронизывающее композицию.

В литературе идеи Лао-цзы нашли отражение в поэзии Ли Бо и Ду Фу, в философских эссе эпохи Тан, где авторы стремились выразить единство человека и природы. Образ мудреца, удалившегося в горы и нашедшего покой в созерцании, стал символом духовного совершенства. В сфере этики учение

Лао-цзы сформировало представление о самоограничении и внутренней свободе. Добродетель, по Лао-цзы, заключается не в следовании законам, а в отказе от излишних желаний. Эта идея стала моральным стержнем китайской культуры, закрепив представления о скромности, мягкости и уравновешенности характера. Философия Лао-цзы оказала влияние и на политическую мысль. В трактате «Дао дэ цзин» говорится, что лучший правитель - тот, кто управляет, не управляя. Этот принцип лёг в основу концепции «мягкой власти» (у-вэй чжи чжи), где гармония достигается через моральное влияние, а не через принуждение. Юй Цзян отмечает, что именно эта идея стала философским обоснованием древнекитайской модели управления, основанной на саморегуляции и доверии к естественному порядку.

Даосизм оказал воздействие и на экономическое мышление. В философии Лао-цзы земледелие рассматривалось как «основа жизни» - не просто хозяйственная деятельность, но духовная обязанность человека перед землёй. Эта идея предвосхищает современное понятие устойчивого развития.

Не менее важно влияние Лао-цзы на экологическую культуру Китая. Его учение о взаимосвязи всего живого, принцип «возврата к естественному» и осознание хрупкости природы сформировали особую модель экологического мышления. В китайской традиции человек не противопоставляется природе - он её продолжение. Поэтому уважение к земле, воде, животным и растениям стало не только практической, но и духовной категорией.

Философия Лао-цзы также нашла отражение в религиозных и медицинских практиках. Даосские монахи развивали систему внутренней алхимии, где гармония тела и духа рассматривалась как способ достижения бессмертия. Принципы Дао легли в основу китайской медицины и учения о жизненной энергии ци. Таким образом, философия Лао-цзы не ограничивается рамками философии в узком смысле. Она сформировала целостную картину мира, в которой человек, общество и природа объединены единым законом гармонии. Именно это делает её не только историческим феноменом, но и актуальной системой мировоззрения, способной ответить на вызовы современности.

Даосская концепция Дао занимает в истории китайской философии положение не только центрального понятия, но и универсального принципа, определяющего характер мышления, языка и восприятия мира. В представлении Лао-цзы Дао это не просто путь или закон, а первооснова всего бытия, соединяющая космос и человека, порядок и хаос, движение и покой. Даоечно и бесформенно, но именно через него осуществляется становление мира. Оно существует до Неба и Земли, не имеет имени, но благодаря ему всё возникает. В этом выражается особая метафизическая позиция - отрицание дуализма и утверждение целостности мира, где различия не противоречат, а дополняют друг друга.

Лао-цзы формирует уникальный способ философствования, основанный не на логическом анализе, а на созерцании и парадоксе. Его утверждение, что

«мягкое побеждает твёрдое, а покой сильнее движения», демонстрирует идею относительности всех противоположностей. Дао выступает как принцип гармонии, где противоборствующие начала не уничтожаются, а сливаются в единство. Такой взгляд стал основой диалектического мышления Китая, отличного от западной традиции, где истина мыслится через противопоставление.

Дао в трактате «Дао дэ цзин» это не статическая субстанция, а процесс непрерывного саморазвертывания, своего рода «онтологическое дыхание» мира. В нём нет цели, замысла или воли: оно творит, не творя, движет, не действуя. Это «порождающее бездействие» делает Дао универсальной метафорой естественного порядка, в котором всё существует в соответствии с собственной природой.

Дао также раскрывает особое понимание языка и знания. В первой главе трактата говорится: «Дао, о котором можно говорить, не есть постоянное Дао». Это означает, что подлинная реальность не может быть полностью выражена словами, а знание не сводится к описанию. Мудрец, согласно Лао-цзы, не стремится постичь Дао рационально - он постигает его через интуицию, внутреннюю тишину и освобождение от привязанностей. Таким образом, познание в философии Лао-цзы носит контемплиативный характер: оно основано на переживании единства, а не на разделении объекта и субъекта.

Эта метафизическая модель породила особое отношение к истине. Истина у Лао-цзы не абсолютна и не противопоставляется заблуждению, она возникает из взаимодействия противоположностей. Мудрость - не знание, а умение видеть мир без оценки и суждения. Лао-цзы тем самым формирует «метод философской критики», направленный против жёстких категорий мышления. Лао-цзы разрушает границы между истинным и ложным, действием и бездействием, добром и злом, утверждая, что противоположности – это различные проявления единого процесса Дао.

Таким образом, философия Дао стала метафизическим фундаментом китайского мировоззрения, определяющего не только философскую, но и художественную, религиозную и политическую мысль Китая. Дао – это принцип не только космического порядка, но и внутренней свободы, путь к гармонии, к которому стремится вся китайская культура.

Этическое и политическое учение Лао-цзы является логическим продолжением его метафизики. Если Дао – это универсальный принцип бытия, то человек должен жить в согласии с ним, отражая космический порядок в собственных поступках. Добродетель (дэ) становится конкретным выражением Дао в человеческой жизни, а моральное совершенство - способом внутреннего приближения к гармонии. Добродетель, по Лао-цзы, не является внешним правилом поведения или нормой, навязанной обществом. Она естественна, как дыхание или рост растений. Истинная мораль не требует усилий: человек, живущий в Дао, просто действует правильно, потому что иначе не может.

В трактате говорится: «Высшая добродетель не добродетельна, поэтому она и есть добродетель». Это выражение отражает основную идею этики Лао-цзы - отказ от искусственного морализма и признание природной спонтанности источником добра. Эта позиция противоположна конфуцианскому акценту на ритуале и долге. Конфуций видел путь к гармонии в укреплении социальных норм, тогда как Лао-цзы считал, что чрезмерная регламентация ведет к отчуждению и утрате естественности. Именно это различие стало основой двух типов китайской этики: конфуцианской - общественной и даосской - личностной.

В политике философия Лао-цзы выражается в идеале «управления через недеяние» (у-вэй чжи чжи). Правитель, следуя Дао, не должен вмешиваться в естественный ход жизни народа, а лишь создавать условия для его саморегуляции. Лао-цзы писал: «Если правитель бездействует, народ сам преобразуется». Это не означает безразличие, а предполагает управление посредством примера и внутренней силы дэ. Власть, построенная на принуждении, вызывает сопротивление, а власть, основанная на доверии и скромности, устанавливает подлинный порядок.

Даосская политическая философия опирается на идею мягкости как формы силы. В трактате неоднократно повторяется: «Мягкое побеждает твердое, слабое побеждает сильное». Эта метафора не просто моральный призыв, а принцип управления. Для Лао-цзы сила не в подавлении, а в способности уступать, потому что гибкость обеспечивает устойчивость. Философия недеяния оказала глубокое влияние на государственную идеологию Китая, особенно в эпоху Хань. Исследование Тэ Хёна Кима показывает, что даосские идеи были адаптированы даже в легистских трактатах, таких как «Хань Фэй-цзы», где принципы Дао использовались для оправдания естественного порядка власти.

Это свидетельствует о том, что даосизм стал не только религиозной, но и политической основой китайской цивилизации. Таким образом, этика и политика Лао-цзы формируют систему внутреннего и внешнего равновесия. Человек, общество и государство должны следовать Дао не из страха перед законом, а из понимания необходимости гармонии. Это делает философию Лао-цзы уникальной моделью нравственного управления, где мораль и политика сливаются в единое целое.

Современный Китай переживает сложный процесс взаимодействия древней духовной традиции и глобальной модернизации. В условиях стремительного экономического роста, урбанизации и технологического прогресса вопрос о духовных ориентирах становится всё более актуальным. В этом контексте философия Лао-цзы вновь приобретает особое значение, становясь не только предметом академического интереса, но и источником морального и культурного самоопределения китайского общества.

Учение Лао-цзы, долгое время воспринимается как часть древней метафизики, сегодня рассматривается как основа национальной философской идентичности. Даосская идея гармонии между человеком и природой,

общества и власти, внутреннего и внешнего мира воспринимается как альтернатива агрессивной модели технократического развития. В Китае активно развивается направление, известное как «эко-даосизм», в котором принципы Дао и у-вэй тракуются как философская поддержка государственной стратегии «экологической цивилизации» (*шэнтай вэньмин*). Идеи Лао-цзы о самоограничении, естественности и мягкой силе встраиваются в современный политический и культурный дискурс как духовные ориентиры устойчивого развития.

Китайские университеты и исследовательские центры активно обращаются к текстам *Дао дэ цзин*, рассматривая их как источник этики государственного управления и социальной ответственности. Так, в философских факультетах Пекинского и Фуданьского университетов курс «Дао и современность» стал частью образовательных программ, ориентированных на формирование гуманистического мировоззрения. В научных изданиях Китая всё чаще встречаются исследования, в которых принципы у-вэй сопоставляются с идеями ненасильственного лидерства и «мягкого управления», применимыми в современных экономических и административных моделях. Таким образом, философия Лао-цзы переходит из сферы теоретической метафизики в сферу практической этики.

Одним из важнейших направлений современного переосмысления Лао-цзы стало его влияние на китайскую культурную дипломатию. В последние годы даосизм рассматривается как часть стратегии «мягкой силы» Китая, направленной на укрепление национального образа через культуру, духовность и традицию. Государственные культурные институты продвигают идеи гармонии, умеренности и природного равновесия как выражение китайского пути развития, противопоставленного западной модели экспансии и индивидуализма. В этом смысле философия Лао-цзы становится не просто философским наследием, а инструментом культурной самопрезентации современного Китая на мировой арене.

Не менее значимым является обращение к даосской традиции внутри самого общества. В городах Китая растет интерес к духовным практикам, связанным с идеями Лао-цзы: медитации, цигун, внутренней алхимии и искусству дыхания. Эти практики воспринимаются не как религия, а как путь к внутреннему равновесию в условиях социальной конкуренции и стрессов. На этом фоне происходит своеобразная «секуляризация даосизма»: древние категории Дао и дэ тракуются в психологическом ключе - как символы личной гармонии и эмоциональной устойчивости.

Интересно, что в китайской массовой культуре образы Лао-цзы и его идей находят отражение в современном искусстве, кино и литературе. В фильмах и телевизионных драмах нередко используются мотивы «пути без борьбы», «естественного следования судьбе», внутреннего покоя и отказа от избыточных желаний. Эти образы формируют в общественном сознании идеал человека, живущего не в противоборстве с миром, а в его потоке. Таким

образом, философия Лао-цзы становится частью новой культурной мифологии Китая - не архаичной, а живой, способной к диалогу с современностью.

В социально-философском измерении Лао-цзы рассматривается как автор концепции внутреннего суверенитета личности. Современные китайские мыслители (например, Лю Сяоган и Чжан Гоцзян) подчеркивают, что принцип у-вэй может служить моделью этического самоуправления, противопоставленного внешнему давлению и бюрократическому контролю. Это позволяет рассматривать даосизм не как философию отречения, а как путь личной автономии, внутреннего достоинства и гармонии с обществом. При этом государственная идеология Китая использует философию Лао-цзы с умеренной осторожностью. Даосизм в официальном дискурсе трактуется не как альтернатива политическому реализму, а как его духовное дополнение. Его идеи гармонии и недеяния соотносятся с лозунгами «социализма с китайской спецификой», где приоритет отдается гармоничному развитию, социальной стабильности и уважению к природе. Таким образом, философия Лао-цзы оказывается встроена в структуру современного мировоззрения Китая как символ культурного баланса и духовной преемственности.

Современный интерес к Лао-цзы выражается также в философской критике технократической рациональности. Китайские исследователи отмечают, что учение Лао-цзы предупреждает об опасности переоценки разума и контроля. Его принцип «возврата к простоте» (*фань пу*) актуализируется как метод защиты от отчуждения, утраты духовной глубины и разрушения экологического равновесия. В этом смысле философия Лао-цзы становится не только культурным феноменом, но и этическим противовесом чрезмерной прагматизации жизни. Таким образом, в современном Китае Лао-цзы рассматривается как философ, предвосхитивший многие идеи постиндустриальной эпохи. Его учение соединяет древнюю мудрость и современные гуманитарные задачи, создавая синтез традиции и инновации. Оно помогает китайскому обществу сохранить духовное ядро в условиях глобализации и служит основой для формирования нового гуманизма, основанного не на борьбе и господстве, а на доверии, умеренности и внутренней силе.

Философия Лао-цзы представляет собой уникальную духовно-метафизическую систему, оказавшую глубокое и долговременное влияние на формирование китайского мировоззрения, культуры и социально-политических представлений. Основанная на идеях Дао как универсального космического принципа, де как внутренней добродетели и у-вэй как способа естественного действия, она предлагает целостную модель гармоничного существования человека, общества и природы. Лао-цзы противопоставил рационализму и нормативности конфуцианства путь внутренней спонтанности, самоограничения и следования естественному порядку, что сформировало особый тип китайской этики и политической мысли.

Учение Лао-цзы стало неотделимой частью культурного кода Китая: оно определило характер национального искусства, поэзии, эстетики,

экологического мышления и образа мудреца. В современном Китае философия даосизма переживает новое переосмысление: её принципы интегрируются в концепцию «экологической цивилизации», в государственную практику мягкого управления, в систему духовных и медитативных практик, а также в культурную дипломатию страны.

Таким образом, идеи Лао-цзы актуальны не только как часть древнего наследия, но и как философский ресурс для поиска устойчивого, гуманного и гармоничного пути развития. Его учение продолжает служить ключом к пониманию китайской цивилизации и остаётся значимым ориентиром в условиях глобальных политических, культурных и экологических вызовов

Список использованных источников:

- I. Daniel, S. (2023). *Methods of Philosophic Critique Native to the Laozi*. Philosophy Department, East China Normal University.
- II. Tae Hyun Kim. (2010). *Other Laozi Parallels in the Hanfeizi: An Alternative Approach to the Textual History of the Laozi and Early Chinese Thought*.
- III. Блажкина, А. *Представления о Кун-цзы и Лао-цзы: по материалам трактата «Кун-цзы Цзя юй»*.
- IV. Мэнтин, Т. *Трактовка концептов жизни и смерти в китайском философско-культурном контексте*.
- V. Саврухин, А. *Учение Лао-цзы о гармонии в природе и обществе*.

Для цитирования: Шевченко, О. (2025). *Философия Лао-цзы*. (стр. 8-15). Palsara Journal.

Жолдыбаева Анель Куанышевна
Международный университет Астана
Биология (научная) 24Б

«Дом Мудрости»

***Аннотация:** Дом Мудрости в Багдаде был одним из крупнейших интеллектуальных центров средневекового мира и сыграл ключевую роль в формировании глобального научного наследия. Он объединил традиции греческой, персидской, индийской и арабской мысли, создав уникальную культурно-философскую среду. В статье рассматривается исторический контекст его появления, философские основания его деятельности и современная значимость идей, породивших этот центр. Также исследуется феномен знания как высшей человеческой ценности, что напрямую связано с деятельностью Дома Мудрости.*

Вопрос о том, какая ценность является главной в человеческом мире, сопровождает философию с момента её возникновения. У каждого человека может быть собственный ответ, однако немногие решаются спорить с тем, что именно знание служит фундаментом прогресса, инструментом преодоления испытаний и движущей силой развития цивилизации. В этой связи особое внимание привлекают уникальные исторические явления, в которых знание становилось системообразующим началом общественной жизни.

Одним из таких феноменов стал Дом Мудрости выдающийся центр науки и культуры, который по значимости сопоставим с Александрийской библиотекой и являлся интеллектуальной гордостью Аббасидского халифата. Именно в таком контексте появляются слова, которые легли в основу этой статьи: «Никто не может оспорить, что знания – это движитель, позволяющий человечеству нестись сквозь перипетии времени и достигать новых высот». Эта мысль полностью отражает дух эпохи, в которой возник Дом Мудрости, и объясняет выбор темы.

Я обращаюсь к этому объекту не только из исторического интереса, но и потому, что он воплощает принцип культурного взаимного обогащения и философскую идею универсальности знания. Дом Мудрости был не просто библиотекой: это был живой организм, где взаимодействовали мыслители, переводчики, учёные и мастера точных наук. Именно здесь происходило соединение научных традиций разных народов греческих, индийских, персидских, сирийских что делает его уникальным и достойным глубокого исследования.

Появление Дома Мудрости в Багдаде невозможно понять вне общего исторического фона, в котором развивался Аббасидский халифат. В 750 году

к власти пришла династия Аббасидов, сменив Омейядов и открыв новый этап в истории исламской цивилизации. Уже в 762 году халиф аль-Мансур основывает новый город – Багдад, который становится столицей вместо Дамаска. Географическое положение Багдада на пересечении торговых путей, его быстро растущее многонациональное население и активное культурное взаимодействие сделали город идеальным пространством для формирования центра знаний.

Аббасиды проявляли ярко выраженную ориентацию на персидскую культурную модель: они переняли административные, научные и интеллектуальные практики Сасанидской империи. Среди этих практик важнейшей была традиция систематического перевода иностранных произведений. Но если в Сасанидской империи тексты переводили на среднеперсидский, то при Аббасидах переводческой основой стал арабский язык – будущий носитель колоссального научного наследия. Именно поэтому аль-Мансур учреждает дворцовую библиотеку, вдохновлённую Сасанидской Императорской библиотекой, и предоставляет щедрую поддержку учёным, которые начинают работать при дворе. В Багдад были приглашены индийские и ближневосточные учёные, чьи знания математики и астрономии стали первым фундаментом будущего Дома Мудрости. В дальнейшем, при халифе Харун ар-Рашиде, движение переводов усиливается. Он, будучи поклонником науки и поэзии, лично покровительствовал переводчикам и мыслителям. Именно в это время в халифат начинают массово поступать тексты из Греции, Сирии, Индии, Китая их переводили с греческого, санскрита, сирийского, китайского и персидского. Сначала особое внимание уделялось медицине, математике и астрономии, но вскоре в сферу перевода вошли философские трактаты и труды по логике.

Именно в этот период складывается то, что позже будет названо Домом Мудрости – уникальный центр, объединяющий библиотеку, академию, переводческую школу, научные лаборатории и астрономические обсерватории. На протяжении почти двух столетий, в основном усилиями сирийских христиан и арабских учёных, здесь переводили философские и научные труды Аристотеля, Платона, Пифагора, Евклида, Гиппократ, Плотина, Галена, Арьябхаты, Брахмагупты и многих других. Некоторые произведения проходили три последовательных перевода настолько тщательно относились к точности смысла. При халифе аль-Мамуне Дом Мудрости превращается в полноценную академию, где создавались не только переводы, но и оригинальные научные труды. Сюда доставляли редчайшие рукописи из Византии; здесь работали математики, географы, философы, астрономы. Учёные исследовали алхимию что впоследствии стало основой современной химии, а также разрабатывали методы географических измерений и астрономических наблюдений. Аль-Мамун создаёт первую крупную обсерваторию в Багдаде, где группа учёных проверяет и уточняет данные Птолемея, определяет окружность Земли и создаёт одну из наиболее подробных карт мира своего времени.

Дом Мудрости стал феноменом, в котором философская мысль, научный метод и культурное взаимодействие существовали как единое пространство. Он стал символом эпохи, когда знание было не просто ценностью, а основой государственной политики и цивилизационного развития.

Дом Мудрости представляет собой не только исторический объект, но и философский феномен, вокруг которого формировалась особая концепция знания. Его деятельность раскрывает фундаментальный вопрос: что такое знание и как оно становится двигателем механизмом цивилизации?

Философия ислама, особенно в период Аббасидов, рассматривает знание как священную обязанность человека, как путь к пониманию устройства мира и к самосовершенствованию. Именно поэтому идея, что главная ценность в мире знание, органично вписывается в традицию, породившую Дом Мудрости. Эта мысль, заложенная и в твоём исходном тексте, становится основой для анализа: знание не только даёт власть над природой, но и соединяет культуры, преодолевает изоляцию отдельных обществ, создаёт пространство диалога.

Одной из ключевых особенностей Дома Мудрости было то, что перевод трактовался не как механическое действие, а как форма философской интерпретации. Переводчики стремились не просто перенести слова с одного языка на другой, но и уточнить смысл, восстановить логику автора, исправить ошибки предыдущих переписчиков. Такая деятельность формировала особую философскую среду пространство, где встречались греческая рациональность, индийская математическая традиция, персидская культурная система и арабская логика. Перевод выступал как процесс создания новой интеллектуальной реальности, в которой каждый текст обретал новое содержание и влияние.

Одним из величайших достижений Дома Мудрости было появление исследовательской деятельности в современном смысле. Особенно ярко это проявилось в период правления аль-Мамуна, когда учёные впервые начали проверять и уточнять данные древних авторов. Такой подход стал началом формирования раннего научного метода: систематические наблюдения, математические расчёты, коллективная работа, критическое сравнение источников. Измерение окружности Земли, создание точных карт, астрономические наблюдения – всё это было основано на философском убеждении, что истину можно найти через рациональное исследование, а не только через авторитет древних текстов.

Дом Мудрости раскрывает идею, что развитие человечества – это не линейный процесс и не результат действий отдельных гениев. Это продукт коллективного труда, обмена идеями, взаимного обогащения культур. Именно поэтому центры знаний становятся опорными точками истории – они концентрируют лучшие интеллектуальные силы эпохи и создают пространство для рождения новых концепций.

Таким образом, философский анализ Дома Мудрости позволяет увидеть в нём не просто место, где хранились книги, а сложную интеллектуальную систему, в которой идея знания поднималась на уровень абсолютной ценности и силы, способной менять ход истории.

На мой взгляд, Дом Мудрости является примером того, как знание становится инструментом цивилизационного прогресса. Его деятельность показывает, что накопление информации само по себе не является целью важно, как эти знания используются, анализируются и передаются следующим поколениям. Именно этот подход делает Дом Мудрости не просто библиотекой, а философским и культурным институтом, где знание интегрируется с практикой, критическим мышлением и совместными исследованиями.

Я считаю, что принцип открытости и интеграции различных культур и традиций, реализованный в Багдаде, является главным уроком для современного общества. В Доме Мудрости учёные из разных стран и религий работали вместе, создавая новые идеи и проверяя старые. Этот коллективный подход был философски оправдан: истина не принадлежит отдельному человеку или одной культуре, она возникает через диалог и обмен знаниями. Также важным аспектом является государственная поддержка науки. Аль-Мамун и другие халифы понимали, что интеллектуальное развитие напрямую связано с политической и экономической стабильностью. Сегодня этот принцип актуален как никогда: без поддержки научной среды государство не может рассчитывать на устойчивое развитие.

Лично я вижу в Доме Мудрости пример того, как можно гармонично сочетать сохранение культурного наследия с развитием инноваций. Сохранённые переводы древних авторов, работы по математике, астрономии, медицине и философии показали, что научная деятельность может быть межкультурной, долговременной и практически применимой. В своей позиции я опираюсь на идею, что Дом Мудрости – это символ интеллектуальной свободы и сотрудничества. Он демонстрирует, что философия знания и научный метод способны трансформировать общество, если объединяются с поддержкой государства и культурной открытостью.

Дом Мудрости остаётся актуальным примером для современного мира, потому что он демонстрирует универсальные принципы организации науки и философии знания, которые актуальны и сегодня. Во-первых, он показывает ценность межкультурного обмена: интеграция идей разных цивилизаций позволяла создавать новое знание, что остаётся важным и в эпоху глобализации. Международное сотрудничество в науке, обмен информацией и совместные исследовательские проекты в XXI веке – это прямые наследники философии Багдадской академии.

Во-вторых, Дом Мудрости иллюстрирует, как государственная поддержка науки и образования способна создавать устойчивые интеллектуальные центры. Сегодня многие страны строят научные парки, лаборатории и исследовательские университеты, что повторяет опыт

Аббасидов: инвестиции в знания обеспечивают технологический и культурный прогресс общества.

В-третьих, философия знания, заложенная в Доме Мудрости, подчеркивает коллективный характер интеллектуального развития. Современные исследовательские группы, научные консорциумы и международные коллаборации воплощают ту же идею: истина рождается не индивидуально, а в процессе совместного анализа, обсуждения и проверки гипотез.

Наконец, Дом Мудрости демонстрирует, что наука и философия неразрывно связаны. Современные междисциплинарные исследования синтеза физики, биологии, математики, информатики, философии и гуманитарных наук – следуют той же логике, которая была реализована в IX–X веках в Багдаде. Иными словами, принципы, заложенные в деятельности Дома Мудрости, остаются жизнеспособными и вдохновляющими для современного общества, науки и культуры.

Дом Мудрости в Багдаде был не просто библиотекой или академией – это был уникальный центр, где наука, философия и культурный обмен сливались в единую систему. Он стал символом того, что знание высшая ценность человечества, способная объединять разные культуры, языки и традиции. История Дома Мудрости показывает, что научный прогресс невозможен без сочетания трёх факторов: открытости к новым идеям, коллективного труда и государственной поддержки. Переводы древних текстов, исследования в математике, астрономии, географии, алхимии и философии стали фундаментом для последующих поколений и европейского Ренессанса.

Лично для меня Дом Мудрости является примером того, как исторический опыт может вдохновлять современную науку и образование. Он показывает, что ценность знаний измеряется не только их количеством, но и способом их использования, обменом и проверкой. Сегодня, в эпоху глобализации и цифровизации, принципы, заложенные в Доме Мудрости, остаются актуальными: научная открытость, междисциплинарность и сотрудничество между культурами – это ключ к развитию цивилизации.

Таким образом, Дом Мудрости остаётся образцом гармонии между историческим наследием и современными научными практиками, подтверждая, что знание – это сила, способная преобразовывать общество и создавать устойчивое будущее.

Список использованных источников:

- I. Аль-Халили, Дж. (2010). *Дом мудрости: как арабская наука сохранила античное знание и подарила нам Ренессанс.*
- II. Гутас, Д. (1998) *Греческая мысль и арабская культура.*
- III. Салиба, Дж. (2007). *Исламская наука и формирование европейского Ренессанса.*
- IV. Розенталь, Ф. (1970). *Триумф знания: Ислам и наука.*

- V. Наср, С. (1968) *Наука и цивилизация в исламе.*
- VI. Ходжсон, М. (1974). *Проект ислама: история исламской цивилизации.*
- VII. Кеннеди, Х. (1981). *Ранний Аббасидский халифат.*
- VIII. Линдберг, Д. (2007). *Начала западной науки.*
- IX. Макдиси, Г. (1981). *Рост школ и колледжей в исламе.*
- X. Dzen.ru – *Дом мудрости.*

*Есен Амина Асқарқызы
Международный университет Астана
Биология (научная) 24Б*

«Власть и человек в «Государе» Макиавелли»

***Аннотация:** В статье рассматриваются основные идеи политической философии Никколо Макиавелли на основе его труда «Государь». Автор анализирует исторический контекст эпохи Возрождения, переход от религиозного к рациональному мировоззрению и формирование политического реализма. Особое внимание уделено взглядам Макиавелли на природу власти, личность правителя, соотношение морали и необходимости, а также понятиям *virtù* и *fortuna*. В работе показано, что философские идеи мыслителя оказали огромное влияние на развитие политической мысли Нового времени и остаются актуальными в современных исследованиях политики и власти.*

Никколо Макиавелли вошёл в историю как мыслитель, сумевший увидеть политику без прикрас – не как идеал, а как реальность. Его взгляды сформировались в переломное время: начало XVI века стало для Италии эпохой раздробленности и внешних угроз. Страна, некогда центр Ренессанса, распалась на враждующие государства Флоренцию, Милан, Венецию, Неаполь и Папскую область. Постоянные войны, интриги и вторжения французов и испанцев создавали атмосферу, где власть принадлежала не самым добродетельным, а самым решительным и хитрым.

Будучи дипломатом Флорентийской республики, Макиавелли наблюдал всё это изнутри. Он вел переговоры с Цезарем Борджиа человеком, который, по признанию самого философа, воплощал политическую силу и практическую мудрость. После падения республики и возвращения Медичи Макиавелли обвинили в измене, подвергли пыткам и отправили в ссылку. Именно там, вдали от власти, он написал свой знаменитый трактат «Государь».

Эта книга стала не отвлечённым рассуждением, а итогом личного опыта и наблюдений. Макиавелли писал не как идеалист, а как человек, видевший, как власть теряют из-за слабости и доверчивости. Так родилось новое направление мысли – политический реализм, в центре которого стоит человек как деятель, творец и носитель силы.

Макиавелли первым осмелился сказать, что политика живёт по собственным законам, отличным от религиозных и нравственных. Его

интересовало не построение утопий, а искусство удержания власти. Он рассматривал историю как борьбу, где успех зависит не от случая, а от способности действовать решительно, опираясь на разум и волю. Так Макиавелли стал символом перехода от средневекового мышления к эпохе Нового времени. Его эпоха требовала не святых, а людей действия – и он первым описал, каким должен быть правитель, чтобы выжить и сохранить государство.

Макиавелли рассматривал государство как живой организм, подчинённый законам силы, воли и необходимости. В трактате «Государь» он рассуждает не о небесных идеалах, а о земной реальности о том, как правитель должен действовать, чтобы удержать власть и создать устойчивое государство среди бурь судьбы.

Он различает два основных типа государств наследственные и новые. В наследственных правитель опирается на традиции и привычку подданных: народ приучен к власти и подчиняется ей охотнее. В новых же государствах, пишет Макиавелли, «все трудности начинаются сначала» народ не знает нового государя, а власть ещё не укоренилась. Именно здесь вступает в силу закон политической доблести, которую философ называет *virtù*.

Два понятия *virtù* и *fortuna* образуют ядро политической философии Макиавелли.

Virtù это не моральная добродетель, а внутренняя энергия человека, способность действовать решительно, предвидеть и преодолевать обстоятельства. Это сила воли, ума и мужества, превращающая человека в творца истории.

Fortuna, напротив, непредсказуемая судьба, изменчивая, как река, способная затопить землю или дать ей плодородие.

Макиавелли не отрицает роль судьбы, но подчёркивает: она покоряется лишь тому, кто действует. Он сравнивает *Fortuna* с женщиной, «которую следует держать в узде», лишь смелость и решительность могут укротить её. Так рождается главная мысль философа: человек способен быть хозяином своей судьбы, если обладает *virtù*. Судьба благоволит тем, кто дерзает.

Эта идея делает Макиавелли удивительно современным: он воспекает не покорность, а инициативу, не ожидание, а действие.

Главная цель правителя, по Макиавелли, – создать порядок из хаоса. Государь должен быть не только властителем, но и архитектором стабильности. Ради этого, писал он, «иногда необходима жестокость» – не ради страха, а ради сохранения государства.

«Если необходимо выбирать между тем, чтобы быть любимым или внушать страх, то лучше внушать страх», – утверждает Макиавелли. Но за этими словами стоит не оправдание тирании, а трезвое понимание человеческой природы. Люди, замечает философ, «благодарны, пока им выгодно, и готовы изменить, когда им удобно». Поэтому власть должна опираться не на иллюзии, а на знание людей и обстоятельств.

Государство, по Макиавелли, существует тогда, когда правитель способен предвидеть угрозы, управлять судьбой и направлять волю народа. Это искусство требует расчёта, дисциплины и мужества и именно в этом он видел подлинную мудрость правителя.

В трактате «Государь» Макиавелли впервые показывает власть как искусство управления людьми, основанное не на традиции, а на понимании человеческой природы. Для него правитель это не наследник трона, а творец политического порядка. Его сила измеряется не происхождением, а способностью действовать в трудных обстоятельствах.

Макиавелли задаёт один из самых острых вопросов: лучше ли правителю быть любимым или внушать страх? Он отвечает твёрдо: если нельзя совместить оба качества, безопаснее внушать страх.

Эта мысль не о жестокости, а о реализме. Любовь подданных изменчива, а страх, если он не переходит в ненависть, удерживает людей от беспорядков. Макиавелли не проповедует насилие он утверждает, что правитель должен знать границы человеческой благодарности и уметь управлять ею.

Макиавелли впервые отделяет личную мораль от государственной. Для правителя, пишет он, поступки оцениваются не по намерениям, а по результату: если действие спасает государство, оно оправдано необходимостью.

Эта позиция не означает безнравственность напротив, она выражает этику ответственности. Добродетель государя не в мягкости, а в способности принимать трудные решения ради всеобщего порядка.

Символы льва и лисы выражают идеал правителя, способного соединять силу и рассудительность.

«Нужно быть лисой, чтобы распознать ловушки, и львом, чтобы отпугнуть волков».

Мудрый государь должен быть храбр, как лев, и проницателен, как лиса: сила без разума делает власть грубой, а хитрость без смелости беспомощной. Только их равновесие создаёт устойчивость власти.

Учение Макиавелли стало границей между средневековым и новым образом мышления. Он первым разорвал связь политики с религиозными догмами и предложил рассматривать власть как область человеческого опыта, а не божественного промысла. Для него не существовало вечных, данных свыше законов – всё в государстве создаётся волей и разумом людей.

Именно поэтому Макиавелли считается основателем политического реализма. Он показал, что успех правителя определяется не благочестием, а способностью понимать логику событий и действовать в соответствии с обстоятельствами. Власть для него – не моральная категория, а инструмент сохранения порядка. Так философ перенёс центр внимания с идеалов на реальность, с мечтаний – на практику.

Его идеи оказали огромное влияние на мыслителей Нового времени. Томас Гоббс, рассуждая о природе государства, во многом продолжил макиавеллистическую традицию, где порядок ставится выше нравственного

идеала. Фрэнсис Бэкон и Спиноза унаследовали его стремление к рациональному объяснению человеческих поступков. Даже те, кто критиковал Макиавелли, – Руссо, Монтескьё, Гегель строили свои концепции, отталкиваясь от его реализма

Главное достижение Макиавелли – в том, что он впервые показал: человек сам ответственен за историю. Судьба государства зависит не от небес, а от силы разума и характера тех, кто ею управляет. Этой мыслью он положил начало новой философии действия, где человек становится центром мира, способным управлять не только другими, но и самим собой.

Никколо Макиавелли стал тем, кто впервые заставил взглянуть на власть без покрова иллюзий. Он показал, что политика – это не мечта о справедливости, а пространство человеческих выборов, где сталкиваются разум, страх и воля. Его слова: «Люди в целом судят больше на взгляд, чем на ощупь, ибо видеть дано всякому, а притронуться нет.» –звучат как предупреждение всем правителям и мыслителям: видимость добродетели не равна её сути.

Можно сказать, что Макиавелли писал не только о властителях, но и о каждом из нас. Его учение напоминает: истинная сила в способности сохранять рассудок, когда мир рушится, и принимать решения, даже если они трудны. Его “Государь” – не учебник тирании, а книга о зрелости, о человеческой воле, которая противостоит изменчивой fortuna.

«Судьба распоряжается лишь половиной наших дел, другую половину, или около того, она предоставляет самим людям» писал он.

И, пожалуй, в этой фразе заключён весь смысл его философии: власть это не только искусство править другими, но и искусство править собой.

Список использованных источников:

- I. Макиавелли, Н. «Государь» - Гл. XVII*
- II. Макиавелли, Н. «Государь» - Гл. XVIII*
- III. Макиавелли, Н. «Государь» - Гл. XXV*

Биржан Амина Нуржанкызы
Международный университет Астана
Data Science 24Б

«Свобода выбора и алгоритмы TikTok»

***Аннотация:** В статье рассматривается влияние алгоритмов рекомендаций и искусственного интеллекта на свободу человеческой воли. Автор анализирует философские подходы Сартра, Фуко и Харари, показывая, как алгоритмическое прогнозирование формирует иллюзию выбора. Делается вывод о необходимости новой формы осознанной свободы – внимательности к цифровому воздействию и внутренней автономии личности.*

Мы привыкли думать, что выбираем сами. Что именно мы решаем, какую песню послушать, какой ролик открыть, кого лайкнуть. Но стоит задуматься: а действительно ли это мы? Или это алгоритм, тихо и незаметно подталкивающий нас к нужному действию через «похожие видео», «рекомендации» и «персонализированные ленты»? Алгоритмы стали зеркалом нашего сознания. Но это зеркало не просто отражает оно искажает, корректирует, программирует. YouTube знает, какие видео удержат меня дольше. TikTok чувствует мой настрой, даже если я сама его не осознаю. ChatGPT подбирает слова, чтобы я согласилась, чтобы я осталась в диалоге. И где в этой системе место моей свободе?

Классическая философия от Спинозы до Сартра всегда связывала свободу с осознанием причин своего выбора. Быть свободным значит понимать, почему ты делаешь то, что делаешь. Но в цифровую эпоху причин становится слишком много, и они внешние: лайки, тренды, алгоритмы, контент, выстроенный по твоим привычкам.

Философ Жан-Поль Сартр говорил: «Человек осуждён быть свободным». Он имел в виду, что никто, кроме нас, не несёт ответственность за выбор. Но сегодня эта фраза звучит иначе: мы осуждены на предсказуемость. Алгоритм уже знает, на что я кликну. Иногда лучше, чем я сама. И это страшно, потому что свобода перестаёт быть внутренним актом, она становится частью системы статистических вероятностей.

Когда-то власть принадлежала королям и религиям. Потом идеологиям и экономике. Сегодня данным. Мишель Фуко писал, что власть это не просто насилие, а сеть отношений, где человек одновременно подчиняется и участвует. Тот, кто управляет алгоритмом, управляет человеческим вниманием, а значит, и выбором. Мы думаем, что TikTok просто «развлекает». Но на самом деле он формирует вкус, мышление, ритм восприятия. Мы уже не выбираем, что посмотреть нам просто не хочется искать вне рекомендаций.

Так формируется иллюзия свободы: всё будто под нас, но на самом деле мы просто идеально встроены в систему.

Философ Юваль Ной Харари писал: «Кто владеет данными тот владеет будущим». Алгоритмы знают, чего мы хотим, иногда ещё до того, как мы это захотим. Они становятся новыми пророками, но пророками без души, без совести, зато с огромной точностью. Если свобода – это способность выбирать осознанно, то она ещё возможна. Да, алгоритмы сильны, но не всеильны.

Они предсказывают наши привычки, но не наши смыслы. Алгоритм не знает, почему мы плачем над старой песней, почему вдруг выключаем телефон и идём гулять без цели. Настоящая свобода сегодня – это момент осознанного отказа. Когда я не кликаю на то, что мне предлагают. Когда я выключаю автоплей. Когда я задаю ChatGPT вопрос не ради ответа, а ради сомнения. Социолог Мануэль Кастельс отмечал, что современная личность существует в «сетевом обществе», где свобода проявляется не в изоляции, а в критическом взаимодействии.

Свобода XXI века – это умение думать вне ленты, осознавать, что каждая рекомендация не просто «совет», а форма влияния. И выбирать не потому, что «так проще» или «так принято», а потому что я так решила. Мы входим в эпоху, где свобода требует новой философии – цифровой этики. Речь не о том, чтобы бороться с технологиями, а о том, чтобы восстановить внутреннего человека. Чтобы свобода снова стала не просто правом, а ответственностью – за собственный выбор, за то, на что мы тратим внимание, за то, каким нас делает экран.

Свободный человек сегодня это не тот, кто «не пользуется TikTok». А тот, кто умеет видеть за TikTok систему. Кто осознаёт: да, меня можно предсказать, но нельзя заменить. Мои поступки могут быть рассчитаны, но моя воля нет. Есть ли свобода, если наш выбор всё больше предсказывают алгоритмы? Да. Но это уже не та свобода, что была у древних философов.

Это не спокойная уверенность, что я источник всех решений. Это постоянная бдительность, умение видеть игру, в которую нас вовлекли. Свобода сегодня это форма внутреннего сопротивления. Когда ты не просто живёшь в алгоритмах, а понимаешь, что ты – человек, который способен их понимать. И, может быть, именно в этом последняя и самая настоящая форма человеческой свободы.

Алгоритмы всё глубже проникают в структуру человеческого выбора, формируя новые формы зависимости и адаптации. Однако свобода не исчезла она изменила свой облик. Сегодня она выражается в способности человека распознавать цифровые механизмы влияния, сохранять автономию мышления и ответственность за собственные решения. Свобода XXI века – это внимание к себе, критичность и умение выбирать вопреки алгоритму.

Список использованных источников:

1. Туровская, Е. (2022). *Цифровое бессознательное: человек в эпоху алгоритмов*. ВШЭ.

- II. Сартр, Ж.-П. (1994). *Бытие и ничто*. Республика.
- III. Фуко, М. 1999. *Надзирать и наказывать*. Наука.
- IV. Харари, Ю. (2018). *Ното Deus: Краткая история завтрашнего дня*. Синдбад.
- V. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. ГУ ВШЭ.
- VI. Bhandari, A. (2022). *The Algorithmized Self*.

*Кан Алла Антоновна
Международный университет Астана
Маркетинг 24Б*

«ИИ и человеческая уникальность»

Аннотация: В данной статье анализируется влияние развития искусственного интеллекта на традиционное понимание «человеческой исключительности», которая чаще всего связывалась с разумом и умственными способностями. Автор исследует, как прогресс в области ИИ заставляет переосмыслить уникальность человека. На примерах суждений Пико делла Мирандолы, Канта, Нуссбаум, Левинаса, Флориди и Бострома показано, что ИИ ставит под сомнение идею превосходства разума человека, однако не затрагивает его достоинство и мораль, которое основывается на автономии, уязвимости и ответственности.

На протяжении множества веков люди объясняли свою исключительность особым умом, душой и «образом Божиим». То есть считалось, что человек – это такое существо, которое может всё знать, выбирать самостоятельно и сохранять мораль. А животные, предметы и вообще всё остальное - как бы ниже по иерархии. Но с появлением и развитием искусственного интеллекта привычная картинка начинает подвергаться сомнениям. Системы уже пишут огромные тексты в разных стилях, сочиняют музыку, ставят диагнозы, рассуждают о вечном - и даже делают это лучше, чем мы сами. И тут возникает вопрос: если разум был главным, что делало нас исключительными в мироздании, не лишает ли нас ИИ этого статуса?

Конечно, философски всё не так просто - и, на самом деле, так даже интереснее. Ренессансный гуманизм Дж. Пико делла Мирандолы, кантовская идея достоинства, подход способностей Марты Нуссбаум, цифровая этика Флориди, предупреждения Бострома и этика «Другого» у Левинаса - все они предлагают разные взгляды на то, что действительно делает человека особенным. И мне кажется, что вывод можно сделать такой: ИИ подрывает только самую упрощённую версию «человек уникален, потому что умён», которую можно назвать наивной и поверхностной. Но при этом человеческое достоинство от этого никуда не исчезает. Наоборот, технологии помогают выделить, на чём оно реально основано - на автономии, способности меняться, уязвимости, ответственности и, в конце концов, на том, что делает нашу жизнь уникальной.

Ренессансный гуманизм даёт одну из самых ярких формулировок человеческой исключительности. В «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола не говорит, что человек просто «самый умный» или

«самый высокий» в иерархии существ. Он утверждает, что человеку не задано фиксированное место в миропорядке: Бог ставит его в центр мира без определённой природы, чтобы он мог «стать тем, чем пожелает». Уникальность человека здесь заключается в том, что он может менять себя и создавать собственный мир вокруг себя.

Кант морально радикализирует эту идею. В «Основах метафизики нравов» он формулирует принцип, что человек должен всегда рассматриваться как цель, а не только как средство, потому что «человечность, поскольку она способна к морали, есть то, что одно только имеет достоинство». Так, достоинство человека не измеряется уровнем интеллекта, результатами или пользой, которую он приносит. Оно основано на его самостоятельности: человек может сам решать, что правильно, и следовать тем моральным принципам, которые выбирает сам. Эта внутренняя свобода и делает его обладателем достоинства, независимо от внешних качеств и достижений. Даже самый «глупый» человек как моральный субъект бесконечно ценнее самой «умной» вещи с этой точки зрения.

Современная политическая философия в лице Марты Нуссбаум меняет важность с абстрактного разума на целостный образ человеческой жизни. Её «подход способностей» трактует достоинство как наличие набора базовых возможностей - от телесной целостности и здоровья до способности любить, играть, участвовать в политике и строить осмысленные планы в жизни. Человек уникален не просто как «разумное животное», а как существо, чья жизнь может удаваться или ломаться по эмоциональному, телесному, социальному измерениям.

Во всех вышеперечисленных подходах разум остается важен, но не исчерпывает уникальность. Человек – это не просто вычисляющий разум. Он умеет меняться и менять мир, быть автономным и обладает множеством способностей, которые нельзя свести ни к уровню интеллекта, ни к эффективности. Вот здесь ИИ и становится проверкой наших традиционных представлений о себе.

Цифровая революция ясно дала увидеть, что то, что раньше считалось «разумным поведением», совсем не обязательно должно исходить из человеческого мозга. Лучано Флориди прямо пишет о том, что развитие ИИ фактически заканчивает эпоху человеческого исключения в узком смысле: интеллект перестаёт быть чем-то чисто человеческим и, по сути, может существовать отдельно от нас, будучи встроенным в машины. Это, конечно, не означает, что человек стал менее ценным. Просто оказывается, что объяснять нашу особость только тем, что мы «единственные умеем думать», уже не получается.

Ник Бостром идёт ещё дальше и вводит идею суперинтеллекта - такого интеллекта, который превосходит человеческий практически во всём. Он предполагает, что после достижения ИИ уровня человека может начаться быстрая фаза самосовершенствования, где машины будут создавать всё более мощные версии самих себя. Если принять его предположение всерьёз, то

привычное нам выражение «человек уникален, потому что он разумен» действительно начинает полностью терять свой смысл. И, честно говоря, это уже заметно и сейчас: ИИ уверенно работает с языком, анализирует данные, придумывает новые идеи – вещи, которые ещё недавно воспринимались как исключительно человеческие способности.

Но из этого вовсе не следует, что человек перестаёт быть уникальным. Скорее, становится понятно, что мы просто неправильно искали эту уникальность. Мы очень долго связывали человеческое с умением быть «самыми умными», поэтому появление другого «умного» кажется чем-то угрожающим. Хотя, возможно, это не угроза, а повод пересмотреть саму логику вопроса: не интеллект делает нас ценными, а что-то другое, например уязвимость, способность к морали и чувствам, ответственность перед Другими.

Интересно то, что у самого Бострома обсуждение человеческой исключительности быстро выходит за рамки *Homo sapiens*. Он замечает, что если цифровые умы однажды окажутся способными чувствовать - испытывать боль, радость, строить планы и бояться их потерять - то они тоже автоматически попадут в моральное поле. И из этого следует важный вывод: уникальность человека уже нельзя строить только на биологическом факте принадлежности к виду. Нужен еще более глубокий критерий - связанный с достоинством и ответственностью.

В этом направлении Кант даёт один из первых и, пожалуй, наиболее строгих ответов: дело не в мощности интеллекта, а в способности человека подчиняться моральному закону. То есть человек является не просто существом, которое что-то вычисляет или анализирует, создает или развивается. Он умеет воспринимать нравственный закон и испытывать уважение к нему, иногда даже вопреки собственным желаниям, что особенно важно. ИИ может бесконечно много и убедительно имитировать моральные рассуждения, но мы пока не можем говорить, что у него есть чувство долга, вина или совесть - то, что Кант видел, как центр и основу личности.

Нуссбаум же подходит с другой стороны: она рассматривает человека как носителя множества способностей, которые проявляются именно в нашем хрупком телесном и социальном существовании. В отличие от систем, которые работают так, как их запрограммировали, четко и ясно, мы рождаемся беспомощными, зависим от других людей, умеем страдать, любить, переживать стыд, гордость, разочарование, строить истории жизни и сами же их разрушать. Получается, что человеческая уникальность – это не одна «суперспособность», а скорее некая комбинация уязвимости, телесности и опыта, которое требует уважительного отношения к каждому человеку как к носителю неповторимой и уникальной биографии.

Эммануэль Левинас добавляет к этому ещё более радикальную мысль: быть человеком – значит с самого начала быть ответственным за Другого. Его идея «лица» говорит о том, что присутствие «Другого» предъявляет прямое и безусловное требование: «не убей», «не отвернись». И это требование

возникает раньше любых моральных теорий, рациональных расчётов или политических схем. В таком понимании человеческая уникальность абсолютно не в том, что человек является центром мира, а наоборот: в том, что он способен выйти из позиции центра и взять на себя ответственность за того, кто слабее и уязвимее.

И что самое примечательное, ИИ только подчёркивает важность такого подхода. Машина может быть быстрее и точнее в вычислениях, но ответственность за последствия её действий лежит не на ней. Ответственность остаётся на людях - на тех, кто создаёт, обучает, запускает такие системы. Флориди справедливо отмечает, что задача цифровой этики - «обеспечить, чтобы прогресс способствовал человеческому процветанию и качеству смысла в нашей общей цифровой среде». То есть дело далеко не в контроле или силе, а именно в моральной ответственности, в том что нам приходится отвечать за то, какой будет инфосфера, то цифровое пространство, в котором будем жить и мы и, возможно, будущие нечеловеческие субъекты.

В итоге человеческая уникальность перестаёт пониматься как «монополия на интеллект» и становится, скорее, обязанностью. Мы - первые и пока единственные существа, которые понимают, что создают новые формы разума, что влияют на будущее планеты и что несут ответственность не только перед теми, кто живёт сейчас, но и перед теми, кто ещё не появился на свет. И даже если однажды возникнут нечеловеческие существа с сознанием и достоинством, наша роль всё равно останется особой. Именно сейчас решения принимаем мы, и именно от нас зависит, какими будут условия их и нашего собственного будущего.

Искусственный интеллект разрушает комфортный и всеми привычный образ человека как «единственного разумного существа», но это разрушение полезно для нас же, оно освобождает нас от поверхностного культа интеллекта и вынуждает искать более глубокие основания человеческой уникальности. Пико напоминает, что человек – это не фиксированная сущность, а открытый проект самосозидания; Кант - что достоинство связано с автономией и моральным законом; Нуссбаум - что человеческая жизнь уникальна как комплекс хрупкости и уязвимости; Левинас - что быть субъектом значит изначально нести ответственность за «Другого»; Флориди и Бостром – что цифровая эпоха лишает нас прежних привилегий, но одновременно расширяет поле моральной ответственности.

В заключение получается, что ИИ не перечеркивает человеческую уникальность, а только уточняет и углубляет её. Мы больше не можем честно говорить: «мы особенные, потому что умнее всех». Приходится принять более трудную истину: «мы особенные, потому что именно нам досталась ответственность за то, как разум - человеческий и машинный - будет вписан в мир». Уникальность человека тогда измеряется не силой или умом, а способностью ответить за тех, кто слабее, и за те формы жизни, которые мы сами вызываем к существованию.

Список использованных источников:

- I. Pico della Mirandola, G. (1486) *Oration on the Dignity of Man*.
- II. Kant, I. (1785) *Groundwork of the Metaphysics of Morals*.
- III. Nussbaum, M. «*Human Dignity and Human Capabilities*» *The Capability Approach*.
- IV. Floridi, L. (2013). *The Ethics of Information*. Oxford: Oxford University Press.
- V. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press.
- VI. Levinas, E. (1961). *Totality and Infinity: An Essay on Exteriority*.

Территория распространения Республика Казахстан

<https://palsapa.kz/>

palsapajournal@gmail.com

Copyright © 2025 Palsapa Journal